
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.2/7; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-123-130

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИНТЕРЕСОВ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ ОТ ЭКОЦИДА И ЕГО УГРОЗ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ)

✉ Сафонов Владимир Николаевич.

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия

Савченко Светлана Николаевна.

Прокуратура Выборгского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия.

✉ svn205@gmail.com

Аннотация. Анализируются зарубежный доктринальный и законотворческий уровни имплементации защиты интересов будущих поколений от экоцида и его угроз в конституционные, а затем и в отраслевые нормы государств. Рассматриваются философско-правовые аспекты охраны будущих поколений от экоцида и его угроз. Констатируется, что триггером признания и определения векторов разрешения проблемы стала констатация феномена межпоколенческого конфликта, в частности, что действия нынешних поколений могут поставить под угрозу потребности будущих поколений. В большинстве случаев эти опасения относятся к окружающей среде и природным ресурсам, что в первую очередь ассоциируется с экоцидом, в других ситуациях обеспокоенность относится к биоэтическим правам.

Обсуждение подходов к интеграции интересов будущих поколений в процесс принятия решений позволило выделить два типа обязанностей, в зависимости от того, возлагаются ли они на отдельных лиц или на общество и государство. К идее охраны интересов будущих поколений оказалось восприимчивым внутреннее законодательство ряда стран, причем не только конституционное. Поскольку экоцид – наиболее опасная форма воздействия на экологию и человека, множество внутренних, а также международных правовых источников признают, что действия нынешних поколений в этом контексте могут поставить под угрозу потребности будущих поколений. Характерно, что конституционные положения не ограничиваются преамбулами с общими, декларативными формулировками. Определяя будущие поколения как носителей эколого-правовых интересов, конституционные нормы находят свое развитие во внутренних отраслевых законах и международных правовых актах.

Результаты исследования позволили предложить обоснование необходимости охраны интересов будущих поколений от экоцида и его угроз не только конституционно-правовыми, но и отраслевыми нормами права.

Ключевые слова: экоцид, угрозы, будущие поколения, гиперпотребление, антропоцен, межпоколенческий конфликт, конституционные нормы, имплементация

Для цитирования: Сафонов В.Н., Савченко С.Н. Правовая охрана интересов будущих поколений от экоцида и его угроз (по материалам зарубежных исследований и законотворческой практики) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 123–130. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-123-130

Scientific article

LEGAL PROTECTION OF FUTURE GENERATIONS' INTERESTS FROM ECOCIDE AND ITS THREATS (BASED ON FOREIGN RESEARCH AND LEGISLATIVE PRACTICE)

✉Safonov Vladimir N.

North-West branch of Russian state university of justice named after V.M. Lebedev,
Saint-Petersburg, Russia,

Savchenko Svetlana N.

Prosecutor's office of the Vyborg district of Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia

✉svn205@gmail.com

Abstract. Foreign doctrinal and legislative levels of implementation of the protection of the interests of future generations from ecocide and its threats in constitutional, and then in sectoral norms of states are analyzed. The philosophical and legal aspects of protecting future generations from ecocide and its threats are considered. It is stated that the trigger for the recognition and determination of the vectors for resolving the problem was the statement of the phenomenon of intergenerational conflict, in particular, that the actions of current generations can jeopardize the needs of future generations. In most cases, these concerns relate to the environment and natural resources, which is primarily associated with ecocide, in other situations, concerns relate to bioethical rights.

The discussion of approaches to integrating the interests of future generations into decision-making made it possible to distinguish two types of responsibilities, depending on whether they are assigned to individuals or to society and the state. The domestic legislation of a number of countries turned out to be receptive to the idea of protecting the interests of future generations, and not only constitutional. Since ecocide is the most dangerous form of environmental and human impact, many domestic as well as international legal sources recognize that the actions of current generations in this context may jeopardize the needs of future generations. It is characteristic that constitutional provisions are not limited to preambles with general, declarative wording. Defining future generations as carriers of environmental and legal interests, constitutional norms are developed in domestic sectoral laws and international legal acts.

The results of the study made it possible to propose a justification for the need to protect the interests of future generations from ecocide and its threats not only by constitutional-legal, but also by sectoral legal norms.

Keywords: ecocide, threats, future generations, hyper-consumption, Anthropocene, intergenerational conflict, constitutional norms, implementation

For citation: Safonov V.N., Savchenko S.N. Legal protection of future generations' interests from ecocide and its threats (based on foreign research and legislative practice) // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 123–130. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-123-130

Введение

Известно общее мнение, что нынешние поколения представляют гораздо большую опасность для будущих поколений, чем любое прошлое поколение представляло для нынешнего. Деятельность человека настолько глубоко и масштабно изменила систему Земли, что ее больше нельзя считать частью текущей геологической эпохи – голоцена, а следует рассматривать как часть того, что все чаще называют антропоценом. Эта угрожающая особенность нынешнего поколения по отношению к будущим обычно приписывается сочетанию беспрецедентного технологического прогресса, бесконечной погоне за экономическим ростом и укоренившейся власти корыстных интересов. Здесь в первую очередь речь идёт о компаниях, занимающихся полезными ископаемыми и другими технологиями, когда добыча ресурсов, расширение рынка, гиперпотребление и вред для экологии являются нормой.

Результаты исследования и их обсуждение

В обобщенном виде в современной зарубежной доктрине принято разделение ущерба от экоцида на три основные части: экологический ущерб; непреднамеренный ущерб сельскому хозяйству; прямой ущерб людям. Поскольку нынешние действия (производство, военные действия и пр.) определяют экономический и экологический потенциал, который унаследуют будущие поколения, они могут носить необратимый характер. Долгосрочные риски представляют собой беспрецедентную угрозу для межпоколенческой преемственности и справедливости в различных ее интерпретациях. Среди угроз – новые технологии, как это воплощено в искусственном интеллекте, экологический коллапс, снижение биоразнообразия, вызванное, помимо прочего, изменением климата. Последнее все чаще сталкивается с дилеммами, обычно состоящими из компромиссов между максимизацией социального благосостояния в настоящем и заботой о будущем [1].

Однако из-за преобладающей ориентации на настоящее в современных способах управления будущие поколения практически не участвуют в решениях, которые их затрагивают. Еще в 1987 г. в докладе Комиссии ООН «Наше общее будущее», также известном как доклад Брундтланд, отмечалось, что «будущие поколения не голосуют; у них нет политической или финансовой власти; они не могут оспорить наши решения» [2]. Неудивительно, что, будучи политически бесправными и не включенными в число соответствующих «заинтересованных сторон», с которыми регулярно консультируются правительства, будущие поколения не могут обеспечить свои интересы в общественном договоре. Традиционные методы экономической оценки и анализа политики также дискриминируют интересы будущих поколений.

В результате их интересы остаются без внимания в управлении, будь то на местном, национальном или международном уровне, которое продолжает отдавать приоритет текущим чистым выгодам в ущерб будущему. Парадоксально, но эти краткосрочные предпочтения проявляются особенно остро в демократических режимах, характеризующихся избирательными возможностями и необходимостью реагировать на непосредственные потребности граждан. Права будущих поколений наиболее уязвимы в ситуациях экологической устойчивости, управления радиоактивными отходами или контроля над численностью населения.

Необходимость защиты интересов тех, кто еще не родился, далеко не нова. Со временем различные правовые нормы признали интересы будущих поколений, создав прецедент для их учета при принятии решений. Сама концепция межпоколенческой справедливости, имеющая истоки как в моральных, так и в религиозных традициях, глубоко укоренилась в истории человеческой цивилизации. Казалось бы, будущие поколения «присутствуют» в конституциях с первых дней конституционализма, но их включение в правовую материю со временем изменилось по распространенности, форме и содержанию. На это также повлияло постепенное признание интереса будущих поколений в международно-правовых документах, начиная с Устава ООН с 1945 г. и заканчивая самой последней Рамочной конвенцией ООН об изменении климата, которая представляет собой основную международную инициативу по изменению климата посредством наиболее ярко выраженного политического признания необходимости сознательной и всесторонней защиты потребностей и интересов будущих поколений.

В 2012 г. по приглашению саммита «Рио+» Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун подготовил доклад «Межпоколенческая солидарность и потребности будущих поколений», который посредством внедрения идеи межпоколенческой справедливости в устойчивое развитие побудил ООН разработать механизмы, направленные на то, чтобы привлечь будущие поколения к переговорам [3]. В результате, если до 1970-х гг. не более пары десятков конституций стран содержали такую ссылку, то сегодня это делают приблизительно 45 % из них [4]. Это внезапное изменение произошло в конце XX в. с принятием новых конституций и растущим экологическим сознанием в обществе.

В настоящее время множество внутренних, а также международных правовых источников признают, что действия нынешних поколений могут поставить под угрозу потребности будущих поколений. В большинстве случаев эти положения относятся к окружающей среде и природным ресурсам, в некоторых других – к биоэтическим правам. В конечном счете, все они рассматривают будущие поколения как неразрывно связанные с устойчивостью, всеобъемлющим принципом, опосредующим экономические и экологические (а в последнее время и климатические) интересы. Это ознаменовало не только количественное, но и качественное изменение в конституционных приоритетах на будущее. Не будучи отправленными в преамбулы среди общих декларативных формулировок, сегодняшние конституционные положения в основном определяют будущие поколения как носителей эколого-правовых интересов будущих поколений.

Официальное юридическое признание необходимости защиты интересов будущих поколений поднимает множество нормативных и практических по своей природе вопросов. Первый из них – кто такие будущие поколения? Ответ неизбежно влечет за собой определение их отношений с нынешним поколением. Другими словами, где они начинаются и где заканчиваются нынешние поколения? Это может быть рассмотрено с различных методологических позиций, включая (но не ограничиваясь) выработку дефиниции будущего поколения, а также территориального критерия (люди, проживающие на данной территории) и темпорального аспекта (определение точки отсчета «будущего»). Темпоральный аспект включает в себя число людей, которое меняется каждую единицу времени и не может быть зафиксировано как таковое. Что касается территориального аспекта, то вопрос заключается в том, следует ли рассматривать как будущие поколения только жителей данной территории или также нерезидентов, тем самым делая эту концепцию экстерриториальной по отношению к данному государству. Тем не менее, установление дефиниции будущих поколений является необходимым условием для операционализации любой концепции и юридического признания таковых в современном процессе разработки экологической политики. Отсюда и попытки формулирования рабочих, зачастую конкурирующих, дефиниций [5].

Как и в случае с интересами нынешних поколений, интересы будущих поколений также нуждаются в необходимости определения. Поскольку будущие поколения не могут выражать свои предпочтения в современной политике, их интересы должны быть определены [6]. Однако любая попытка идентифицировать интересы будущих поколений реализуется с точки зрения нынешнего поколения, что само по себе вызывает серьезные этические вопросы. Также необходимо понимать, что любая процедура, направленная на выявление интересов будущих поколений, столкнется с имманентным конфликтом интересов между нынешним и будущим поколениями (межпоколенческий), а также между интересами внутри этих поколений (внутрипоколенческий конфликт).

Во-вторых, возникает вопрос о том, в какой степени будущие поколения могут полагаться на существующий правовой режим. Это связано с тем, что последствия долгосрочных рисков могут повлиять на целый ряд прав. К ним относятся: право на жизнь и человеческое достоинство, право на собственность, здоровье, частную жизнь, экологическое благополучие и т.д. В связи с этим необходимо выяснить, могут ли поколения, которые еще не существуют, вообще иметь законные права. По мнению некоторых философов, несуществование будущих людей не является основанием для того, чтобы не признавать за ними права. Не последний вопрос – понимание реальности риска для будущих поколений.

Наиболее распространенный подход к интеграции интересов будущих поколений в процесс принятия решений в настоящее время заключается в установлении обязанностей по их учету. Можно выделить два типа обязанностей в зависимости от того, возлагаются ли они на отдельных лиц, общество или на государство. Альтернативный подход к интеграции интересов будущих поколений в процесс принятия решений в настоящее время заключается в предоставлении прав будущим поколениям и в выводе юридических обязательств нынешних поколений по сохранению этих прав. Философской основой такого

подхода является большинство теорий межпоколенческой справедливости. Эти теории предусматривают, по сути, что все поколения (прошлые, настоящие и будущие) имеют равные потребности в использовании природных и культурных ресурсов земли. В результате нет никаких оснований для предпочтения нынешнего поколения будущим поколениям в их использовании планеты [7].

Эта идея уже трансформирована в ряде национальных конституций. Такова ситуация с конституцией Японии (с 1946 г.), Ирана (1979 г.), за которыми последовали конституции Норвегии (1992 г.), Малави (1994 г.) и Южной Африки (вступила в силу в 1997 г.). Последняя особенно очевидно определяет: «Каждый имеет право на охрану окружающей среды в интересах нынешнего и будущих поколений посредством разумных законодательных и иных мер» [8].

Поскольку каждой обязанности в принципе соответствует право, можно утверждать, что обязанность по отношению к будущим поколениям может означать, что они, в свою очередь, пользуются правом. Однако остаются широкие возможности для толкования с точки зрения нормативного содержания прав. Правда заключается в том, что содержательная природа этих многочисленных положений, в конечном счете, может быть определена посредством судебных разбирательств. В любом случае постепенное конституционное повышение статуса прав будущих поколений (из преамбул в основные тексты) делает их потенциально эффективными, то есть позволяющими ссылаться на эти обязанности и/или права в судах.

Именно это произошло в Германии в решении Конституционного суда по делу Klima-Beschluss [9], вероятно, в самом далеко идущем выводе, когда-либо сделанном судом по делу о межпоколенческой справедливости. Ссылка на будущие поколения в Конституции Германии содержится в положении, защищающем окружающую среду, а именно в ст. 20а, которая была введена в 1994 г. После оживленной политической и юридической дискуссии о том, должно ли такое положение закреплять индивидуальное право на здоровую окружающую среду или только как обязанность государства, именно последнее получило политическую поддержку.

После того как ст. 20(а) «Государственная обязанность по отношению к будущим поколениям» безуспешно использовалась в рамках судебных разбирательств по экологическим вопросам для оспаривания, в частности размещения полигонов по утилизации отходов, она внезапно была признана Конституционным судом правовым основанием в первом деле о защите климата. Жалобы были поданы в основном молодыми людьми из Германии, которые говорили о нарушениях права на жизнь и физическую неприкосновенность (п. 2 ст. 2 Основного закона), собственности (ст. 14 Основного закона) и неуказанного основного права на достойное будущее, основанного на ст. 20(а). Суд признал такое положение требующим от государства осуществления защиты климата и влекущим обязательства по декарбонизации экономики на основании Парижского соглашения по климату. Само собой разумеется, что это обязательство тесно связано с защитой будущих поколений [10]. Это судебное решение последовало за знаменитыми решениями Urgenda в Нидерландах (окончательно вынесенными Верховным судом Нидерландов в 2019 г.) [11], которые установили, что правительства могут иметь юридическую обязанность предотвращать опасное изменение климата, а также другие долгосрочные риски, возникающие в перспективе. Этот подход, по существу, был подтвержден рядом других высоких судов, от Непала до Колумбии.

В конечном счете, конституции не только все чаще ссылаются на будущие поколения с течением времени, но и предоставляют им более сильную защиту, как правило, во имя принципа межпоколенческого равенства, вытекающего либо из внутренних, либо из международных источников, либо из обоих. Концептуализация определенных интересов (в данном случае интересов будущих поколений) как прав призвана придать им больший вес [12]. Тем не менее защита этих вновь созданных прав остается в значительной степени недостаточно развитой как с точки зрения доктринальной разработки, так и с точки зрения прецедентного права. И все же, несмотря на все усилия некоторых судов балансировать права нынешнего и будущих поколений и реальность ограниченности ресурсов, интересы будущих поколений

скорее остаются декларативными заявлениями, чем юридически обязательными для исполнения обязательствами. Хотя еще слишком рано оценивать эффективность прав будущих поколений в современном конституционализме, однако на фоне быстро распространяющейся практики разбирательств по климатическим вопросам все большее число юрисдикций без колебаний рассматривает государственные обязанности, а также права будущих поколений как элемент позитивного права. Возникающие судебные процессы против изменения климата основываются на мобилизации прав будущих поколений и предполагают, что признание этих прав может иметь последствия для борьбы с угрозами будущему человечеству. Что касается международного права, то не существует никаких обязательных международных инструментов, предоставляющих будущим поколениям права, подлежащие принудительному исполнению. Межпоколенческая справедливость представлена в качестве руководящего принципа в толковании как международных, так и внутренних правовых норм, лишённого реального правового механизма.

Общество сегодня сталкивается с перспективой множественных, часто переплетающихся, долгосрочных рисков, разрешение которых требует стратегического подхода. На этом фоне существующие сегодня инициативы и подходы к интеграции интересов будущих поколений в процесс разработки политики представляются недостаточно эффективными для того, чтобы привести к значимым изменениям в том, как люди настоящего представляют и создают будущее. Это можно объяснить различными факторами. Они варьируются от разрозненных, маргинальных и, по сути, краткосрочных подходов, до отсутствия убедительной политической воли на многих уровнях.

Для обеспечения включения интересов будущих поколений в современную политику требуется нечто большее, чем их кодификация и операционализация посредством создания институтов и процедурных изменений. Это также требует более широкого, более целостного подхода со стороны всех государственных органов для создания условий для всех заинтересованных сторон, чтобы углубить свое понимание будущего и действовать на основе этого нового осознания.

Заключение

Поскольку все поколения (прошлые, настоящие и будущие) имели и имеют равные потребности в использовании природных и культурных ресурсов земли, принцип равенства может и должен быть распространен на будущие поколения. Усилия не должны ограничиваться формальным признанием существования и значимости интересов (а иногда и прав) будущих поколений. Скорее они должны предполагать принятие активных мер для обеспечения того, чтобы будущие поколения имели те же возможности и доступ к ресурсам, что и нынешние поколения, и чтобы любые неравенства, которые могут существовать, устранялись. Хотя этот подход можно обнаружить в самых последних и разных межпоколенческих судебных процессах, он, однако, ограничивается экологической и климатической сферой. Решение общественных проблем, связанных с взаимодействием поколений, является сложной задачей, поскольку такие проблемы могут угрожать «общепринятым социальным ценностям или системам жизнеобеспечения», но при этом «в разной степени привлекают политическое и/или общественное внимание и рассматриваются властями беспристрастно или недостаточно внимательно» [13].

А пока ищем успокоения в активности таких мыслителей как писатель и философ Роман Кржнарик, который рассказывает о преимуществах и важности долгосрочного мышления, необходимого для выживания человечества: «Мы колонизировали будущее. Мы относимся к будущему как к колониальному посту без единой живой души. К месту, куда мы сбрасываем технологические риски, ядерные отходы и экологическую деградацию и которое мы можем по своему желанию грабить, если нам это нравится» [14].

Таким образом, теоретическая модель прав будущих поколений имеет философские и правовые основы для имплементации их правовыми, в первую очередь, конституционными конструкциями. Более того, имеется и положительный опыт такой имплементации.

Список источников

1. Jacobs A.M. Policy Making for the Long Term in Advanced Democracies // Annual Review of Political Science. 2016. Т. 19. Р. 447.
2. Padilla E. Intergenerational Equity and Sustainability // Ecological Economics. 2002. Т. 41 (1). Р. 74.
3. Sixty-eighth session. Intergenerational solidarity and the needs of future generations. Report of the Secretary-General. 5 August 2013. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2006future.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).
4. Araujo Renan and Koessler, Leonie. The Rise of the Constitutional Protection of Future Generations // LPP Working Paper. 2021. № 7. Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3933683> (дата обращения: 18.11.2025).
5. Dobson A. Environment sustainabilities: an analysis and a typology // Environmental Politics. 1996. Vol. 5. Р. 411.
6. Хара К., Йошиока Р., Курода М. Примирение конфликтов между поколениями с воображаемыми будущими поколениями: свидетельства практики коллективного обсуждения в муниципалитете Японии. 2019. Sustain Sci 14. Р. 1605–1619.
7. Theories of intergenerational justice: a synopsis. Axel Gosseries. URL: <http://journals.openedition.org/sapiens/165> (дата обращения: 02.09.2025).
8. Конституция Южно-Африканской Республики, 1996 г. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-04-feb-1997> (дата обращения: 28.11.2025).
9. Нойбауэр и другие против Германии Федеральный конституционный суд BvR 2656/18/1. 2021. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.279f4cda-68ea5c82-94027f93-74722d776562/https/www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2021/03/rs20210324_1bvr265618en.html (дата обращения: 18.11.2025).
10. Постановление Первого Сената от 24 марта 2021 г. URL: http://www.bverfg.de/e/rs20210324_1bvr265618en.html (дата обращения: 19.09.2025).
11. Верховный суд Нидерландов. 20 дек. 2019 г. URL: <https://www.urgenda.nl/wp-content/uploads/ENG-Dutch-Supreme-Court-Urgenda-v-Netherlands-20-12-2019.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).
12. Jakab Andras. Sustainability in European Constitutional Law // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper. 2016. № 16 // Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2803304> (дата обращения: 15.11.2025).
13. Arjen Boin, Magnus Ekengren Mark Rhinard Editors Understanding the Creeping Crisis. DOI: 10.1007/978-3-030-70692-0 (дата обращения: 10.10.2025).
14. Кржнарник Р. Хороший предок: как мыслить долгосрочными категориями в краткосрочном мире. Нью-Йорк: Рэндом Хаус, 2020. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=IT2tDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PT11&ots=Bo9fmQr0e5&sig=5OYoofAhSNGu58DhghVrmWajQOc&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 18.11.2025).

References

1. Jacobs A.M. Policy Making for the Long Term in Advanced Democracies // Annual Review of Political Science. 2016. Т. 19. Р. 447.
2. Padilla E. Intergenerational Equity and Sustainability // Ecological Economics. 2002. Т. 41 (1). Р. 74.
3. Sixty-eighth session. Intergenerational solidarity and the needs of future generations. Report of the Secretary-General. 5 August 2013. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2006future.pdf> (data obrashcheniya: 18.11.2025).

4. Araujo Renan and Koessler, Leonie. The Rise of the Constitutional Protection of Future Generations // LPP Working Paper. 2021. № 7. Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3933683> (data obrashcheniya: 18.11.2025).
5. Dobson A. Environment sustainabilities: an analysis and a typology // Environmental Politics. 1996. Vol. 5. P. 411.
6. Hara K., Joshioka R., Kuroda M. Primirenie konfliktov mezhdu pokoleniyami s voobrazhaemymi budushchimi pokoleniyami: svidetel'stva praktiki kollektivnogo obsuzhdeniya v municipalitete Yaponii. 2019. Sustain Sci 14. P. 1605–1619.
7. Theories of intergenerational justice: a synopsis. Axel Gosseries. URL: <http://journals.openedition.org/sapiens/165> (data obrashcheniya: 02.09.2025).
8. Konstituciya Yuzhno-Afrikanskoj Respubliki 1996 goda. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-04-feb-1997> (data obrashcheniya: 28.11.2025).
9. Nojbauer i drugie protiv Germanii Federal'nyj konstitucionnyj sud BvR 2656/18/1. 2021. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.279f4cda-68ea5c82-94027f93-74722d776562/https/www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2021/03/rs20210324_1bvr265618en.html (data obrashcheniya: 18.11.2025).
10. Postanovlenie Pervogo Senata ot 24 marta 2021 g. URL: http://www.bverfg.de/e/rs20210324_1bvr265618en.html (data obrashcheniya: 19.09.2025).
11. Verhovnyj sud Niderlandov. 20 dek. 2019 g. URL: <https://www.urgenda.nl/wp-content/uploads/ENG-Dutch-Supreme-Court-Urgenda-v-Netherlands-20-12-2019.pdf> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
12. Jakab Andras. Sustainability in European Constitutional Law // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper. 2016. № 16 // Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2803304> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
13. Arjen Boin, Magnus Ekengren Mark Rhinard Editors Understanding the Creeping Crisis. DOI: 10.1007/978-3-030-70692-0 (data obrashcheniya: 10.10.2025).
14. Krzhnarik R. Horoshij predok: kak myslit' dolgosrochnymi kategoriyami v kratkosrochnom mire. N'yu-Jork: Rendom Haus, 2020. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=IT2tDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PT11&ots=Bo9fmQr0e5&sig=5OYooFhAhSNGu58DhghVrmWAjQOc&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (data obrashcheniya: 18.11.2025).

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 26.01.2026

Принята к публикации: 23.03.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 26.01.2026

Accepted for publication: 23.03.2026

Информация об авторах:

Сафонов Владимир Николаевич, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, 5), кандидат юридических наук, доцент, e-mail: svn205@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3676-1894>, SPIN-код: 1857-8487

Савченко Светлана Николаевна, главный специалист прокуратуры Выборгского района Санкт-Петербурга (194044, Санкт-Петербург, Лесной пр., д. 20), референт государственной гражданской службы 3 класса, e-mail: svetochka.savchenko.01@mail.ru

Information about the authors:

Safonov Vladimir N., associate professor of the department of criminal law of the Northwestern branch of Russian state university of justice (197046, Saint-Petersburg, Alexandrovsky park, 5), candidate of law, associate professor, e-mail: svn205@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3676-1894>, SPIN: 1857-8487

Savchenko Svetlana N., chief specialist of the prosecutor's office of the Vyborg district of Saint-Petersburg (194044, Saint-Petersburg, Lesnoy ave., 20), referee of the 3rd class of the state civil service, e-mail: svetochka.savchenko.01@mail.ru